

Герой Советского Союза майор

С. Ниловский

Заметки артиллериста

(Из книги «Бои в Финляндии» Москва, Военное издательство, 1941 год, второе издание, часть 2, страницы 24-29)

Доты линии Маннергейма находились во взаимной огневой связи. Чтобы пробить проход в системе финских укреплений, надо было ликвидировать не один дот, а целый участок системы. Для этого прежде всего следовало разведать все доты.

Если глядеть на передний край финской оборонительной линии с фронта, на нем даже при весьма внимательном осмотре не заметишь долговременных огневых сооружений. Доты финнов были хорошо приспособлены к местности и укрыты так называемой «подушкой» из камня и земли. Сверху росли деревья. Глаз наблюдателя встречал бесчисленное количество почти одинаковых скал, поросших деревьями, снежные холмы, кустарники. Среди тысяч этих приметных точек были расположены десятки дотов. Но где они?

Доты, как правило, не обнаруживали себя огнем вплоть до наступления пехоты. Но и при частном наступлении, при разведке боем, — вели огонь лишь отдельные точки, а остальные молчали.

Огневая разведка артиллерии затруднялась условиями местности. Снаряд, попадавший в камень, при разрыве давал такой же блеск и звук, как и при попадании в каменную «подушку» дота. Камень был всюду: и на дотах, и сзади них, и справа, и слева, и впереди. Простреливать каждый бугор — значить даром тратить снаряды и время. Вести огневую подготовку орудиями калибром в 76 и 122 миллиметров бесполезно. Эти орудия не вскрывали «подушки» дотов даже при прямом попадании. С таким же успехом можно было разведать дот пулеметным и винтовочным огнем.

Но ведь каждая, даже внешне не обнаруживающая себя, огневая точка как-то живет. Не может быть, чтобы в течение трёх-четырёх суток дот не выдал себя каким-нибудь проявлением жизни!

Мы, командиры гаубичного полка, придвинули наблюдательные пункты почти вплотную к переднему краю обороны противника, разделили весь фронт на секторы наблюдения. Круглосуточно, не отрываясь, каждый разглядывал свой участок. Бывший на практике в полку слушатель Артиллерийской академии капитан Власов личным показом учил бойцов, как надо выбирать наблюдательные пункты на деревьях под самым носом у противника. С еле заметных высот, с деревьев, из-за скал неотрывно наблюдали разведчики за своими небольшими участками.

Командир 7-й батареи лейтенант Музыкин трое суток наблюдал за высотой, на которой как будто ничего не было, кроме камней, снега и деревьев. Но это была выгодная высота. Лейтенанту пришла мысль, что если бы он укреплял подобный участок переднего края обороны, то эту высоту он обязательно использовал бы в системе укреплений.

Два дня лейтенант видел одно и то же: камень, деревья, на которые изредка садились вороны, снежок, осыпавший высоту. На третий день он заметил, что возле высоты как-то необычно шевелится снег. По снегу шли волны. К вечеру это повторилось. Было это похоже на движение белых стальных касок. Зачем двигаться финнам к этой высоте, если она пуста?

Лейтенант Музыкин доложил о своих наблюдениях. Он подкреплял их разумным предположением, что этот наиболее выгодный участок должен быть узлом в оборонительной системе. С него хорошо простреливались фронт и фланги.

Доводы лейтенанта казались убедительными.

Надо было заставить дот заговорить. К высоте были брошены три танка. И дот заговорил, — огром-

ный дот №006, вооруженный орудиями и несколькими пулеметами.

Дот №0011 находился в лесу, среди больших сосен и кустов. Старший лейтенант Панов рассуждал так же, как и Музыкин. Это было подходящее место для устройства дота. И вот ежедневно разведчики дивизиона, которым командовал Панов, стали наблюдать за кустами возле сосен. Однажды они обнаружили возле кустов движение касок. Потом над одной из ямок появился необычайный снежный нанос, а оттуда выдвинулась странная белая рогулька, блестящая на солнце. Рогулька оказалась стереотрубой.

Дот №008 был обнаружен командиром взвода разведки лейтенантом Николаевым в районе дивизиона тов. Курбатова. Николаев наблюдал за бугром неослабно в течение двух дней и увидел в конце концов над ним еле заметный дымок. Последующая визуальная и огневая разведка командира батареи младшего лейтенанта Жернового обнаружила долговременное сооружение.

На юго-восточной опушке рощи «Молоток» в первые же дни боев за укрепленный район были разрушены артиллерийским огнем дерево-каменные блиндажи. Казалось, работа артиллерии окончилась: жизнь в блиндажах прекратилась, оттуда больше не вели огня. Возле блиндажей было пустое ровное место, на котором как будто уже негде маскировать доты, но они здесь были. Целый участок укрепленного района финны не могли защищать только дерево-каменными сооружениями.

Пока не начиналась подготовка к прорыву, нам казалось, что пространство впереди мертво. Но когда стало известно, что по этому мертвому белому полю должна будет через несколько дней пойти в наступление наша пехота, мы поговорили друг с другом и решили посмотреть его ещё повнимательнее. Разведка 1-го дивизиона высказала интересное пред-

положение: не являются ли дерево-каменные блиндажи, которые мы разрушили, маскировкой разыскиваемых нами железобетонных сооружений?

За каждым из блиндажей наблюдала отдельная группа. Смотрели долго, но ничего подозрительного не заметили.

Лишь 6 февраля утром мы увидели, что вывороченное из стены разрушенного блиндажа бревно приняло другое положение. Само оно не могло повернуться. Разведчики буквально впились в него глазами. И вот у них на глазах бревно сделало ещё один поворот. Под развалинами была жизнь.

7, 8 и 9 февраля тяжелая артиллерия открыла огонь. Развалины были сметены. Под ними обнаружили мощные железобетонные сооружения. Командир стрелкового полка, который должен был идти по этому «чистому полю» в наступление, только покачал головой. Его батальоны понесли бы лишние потери, если бы разведчикам 1-го дивизиона не пришла в голову верная догадка.

Хорошо организованная разведка на участке нашего полка позволила к началу прорыва обнаружить все доты противника. И все они были подавлены.

* * *

Вести борьбу с такими укреплениями противника и побеждать в бою могли только сильные смелые люди.

Я хочу рассказать о двух наших славных героях-артиллеристах товарище Кириллове и Булавском.

На просеке у одного из дотов стояли три наших подбитых танка. Экипажи давно покинули их. Эти танки мешали нам вести наблюдение за дотом, а приблизиться к ним было трудно. По данным пехотной разведки, они были заняты финскими снайпера-

ми, которые использовали их как бронированные укрытия. Мы решили проверить, действительно ли в танках находятся снайперы.

Кириллов взял с собой двух человек из пехотной разведки и выполз из окопа. Почти тотчас же, едва они отползли на 60-70 метров, по ним был открыт огонь из танков. Кириллов зарылся в снег и наблюдал, прислушиваясь к выстрелам. Один разведчик, лежавший рядом с ним, был убит, второй ранен. Прежде чем продолжать разведку, Кириллов взял винтовки обоих товарищей, взвалил на себя раненого и пополз с ним назад.

Оружие и раненого Кириллов сдал передовым постам пехоты. Но точных данных о противнике у него еще не было. Задача не была выполнена. Он вернулся обратно к танкам...

Доклад Кириллова был точен и короток:

— Танки заняты снайперами, огонь ведется через башенные щели, снайперов, очевидно, четверо.

Немедленно было передано приказание стоявшей рядом батарее 152-миллиметровых орудий открыть огонь по танкам. Два финских снайпера были убиты. Двое успели скрыться.

Кириллову, как у нас говорили, «везло». Он возвращался невредимым из самых опасных экспедиций. Но везение здесь было обусловлено тем, что сам Кириллов старался рисковать как можно меньше. Он вел свое дело без спешки и торопливости. Красивых жестов он не делал, в рост под пулями не поднимался. Там, где другой, может быть, прополз бы расстояние за полчаса, Кириллов полз три часа, а то и четыре. Каждую кочку, каждый камень он использовал для укрытия. В его подвигах не было жертвенности, в них было сознание долга и расчет, доведенный до предела.

За боевые заслуги правительство присвоило тов. Кириллову звание Героя Советского Союза.

Командир батареи лейтенант Булавский, Герой Советского Союза, прославил себя высоким артиллерийским мастерством и бесстрашием.

Однажды Булавский вышел в район противотанковых препятствий белофиннов, окопался, хорошо замаскировался и с наступлением рассвета стал наблюдать за передним краем обороны. Весь день он провел на этом импровизированном наблюдательном пункте, находясь между линией нашей пехоты и финнами. В середине дня обнаружил в 150 метрах от себя дот. С наступлением темноты Булавский, взяв с собой телефониста, опять вернулся на свой пункт. Когда наступил рассвет, он начал пристрелку. Недолеты своих снарядов ложились сзади него. Риск был огромен — Булавский мог погибнуть от своего же снаряда. Но риск был оправдан. Уничтожение дота спасало жизнь сотням наших бойцов и командиров.

Виктор Константинович Булавский, фото из биографического словаря «Герои Советского Союза»

Булавский вернулся благополучно.

Вскоре возле высоты «Язык» у озера Сумма-Ярви наш наблюдатель заметил, что откуда-то сбоку из-за леса ведет стрельбу мощная огневая точка. С этого же пункта удалось установить, что корректировать огонь по этой точке можно только с просеки, которая простреливается из соседнего дота орудийным и пулеметным огнем. Попытки танков и пехоты пройти просеку успеха не имели. В двух шагах от нее

в лесу бойцы стояли без особого риска, но едва лишь они выползали на просеку, как пулеметы и орудия финнов буквально сметали их огнем.

У пехоты и танков не было возможности обхода просеки. Обстановка требовала любой ценой, хотя бы на время, заставить дот замолчать. Но, чтобы вести огонь, надо было кому-то выползти на просеку. Иначе корректировать стрельбу невозможно.

Булавский получил приказание подавить дот. Он взглянул на меня внимательными, чересчур спокойными глазами, лицо его потемнело. Даже одного шанса из тысячи на спасение у него не было.

Радиста он посадил сбоку в лесу в трех шагах от просеки так, чтобы тот слышал его команды. Посередине лесной прогалины стоял пенёк. Это было единственное место, возле которого можно было продержаться живым несколько минут. Булавский выбросился по снегу к этому пню. Было видно, как за пару секунд пули выхватили куски шерсти из его полушубка.

— Цел? — спросили его.

В ответ он подал первую команду, и радист передал её на огневую позицию. Время шло. Минуту каждый считал за час. Булавский уже вывел снаряды к цели и перешел на подавление. Дот замолкал. Но в это время Булавский, словно устав, положил голову на правую руку, вздрогнул, вытянулся. Две пули попали в него. Одна застряла в животе, другая пробила грудь.

Только теперь осознаёшь всё величие и всю простоту такой вот смерти, необходимой для жизни других людей.